

КИСЕЛЕВСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАШ ПОЭТ ИЗ БАРНАУЛА

Стихи Евгения Ермакова – частые гости в страницах «Киселёвских вестей», хотя он, вот уже почти четыре года, живёт и работает в Барнауле. Но что такое физическая отдалённость, если духовно Евгений как был, так и остаётся нашим земляком? Четверть века, прожитые в Киселёвске, где у Ермакова выросли дети, появились десятки друзей, вышли первые книги, навсегда запали его НАШИМ, киселёвским поэтом! Что касается Барнаула, то Евгений на

удивление быстро вписался в его литературную жизнь. И не просто вписался, а внушил к себе уважение пишущей братии. Сегодня он – староста литобъединения «Спектр», активный участник литобъединения «Литературное кафе». Алтайский композитор Юрий Кулешов создал цикл песен на его стихи, который, скорее всего, со временем будет пополняться. А прошлой осенью «Киселёвские вести» поздравляли Евгения Ермакова с выходом его третьей

книжки стихов – «Русский венок». Она издана в Барнауле. И почти сразу обратила на себя внимание литературной критики – внимание очень благожелательное.

Подборки стихов Ермакова не раз публиковали журнал «Барнаул» и альманах «Алтай». В газетной периодике выходили его рассказы. Евгений много... очень много работает на литературном поприще, подготавливая к изданию сразу несколько книг. В том числе – сборничек

юмористических стихов для детей.

Третье августа – особая дата в календаре Евгения Ермакова. Это – день его рождения. Памятая об этом, редакция «КВ» шлет ему свои поздравления и самые добрые пожелания. Пусть всё, что намечает Евгений – сбывается! Творческих успехов ему, семейного благополучия и долгих лет!

Сергей ГРУЩАНСКИЙ.

Евгений Ермаков

Он вынул калёные гвозди,
Потом молоток раздобыл.
Чо! – облак черёмушной гроздью
Луну ненадолго закрыл.

Во тьме, спотыкаясь руками
О выступы древних могил,
Он знамя, причастное к драме,
К кресту прислонил и прибил.

Свершилось!
Луна возварилась.
«Гладите же все! – он кричал, –
Со мной ничего не случилось!»
К ватаге шагнул... И упал...

Тут все закричали, как в рупор,
Чо в цель не попал тот гайдёж.
Умолкли. Пошли. И над трупом
В сердца им ударила дрожь.

Как страхом лицо исказило!
Смотрел комиссар в облака...
А древко с неистовой силой
Вцепилось в полу пиджака.

И тайно в родном «Красносельском»,
Где столько посеяно зла,
Партийца с разорванным сердцем
Ячейка в райком занесла.

Чаутро, гримасный и бледный,
Лежал он на красном сукне.
А чёрное солнце победно
Вставало в заблудшей стране.

ИДЕАЛИЗМ

Увы! На станции Свобода
Чет ни вокзала, ни наряда,
Чи часовых, ни матерка,
Чи огонька, ни ветерка.

Чет ни ограды, ни ворот.
Там никого никто не ждёт...
Так вот:

В безжизненность идей
Нельзя бросать живых людей!

мой Т.Ф.

Я по звёздам твой облик искал,
Днём хмелел от любви и отваги.
И ручей мне надежду давал,
Соловьём заливаясь в овраге.

А потом бушевали цветы:
«Скоро мы эту землю обрацем!»
Ощущенье твоей красоты
Я ловил в аромате пьянащем.

И мы встретились в старом саду.
Августово сибирское лето...
И тебя, как живую звезду,
Я воспринял всем сердцем поэта.

Я тобой восхищаюсь и чту
Прорицанья счастливую долю.
И оспорить твою красоту
Я теперь никому не позволю!

РЕЛИКВИЯ

Ещё живёт твоё письмо,
Как неистлевший звук.
И до сих пор хранит оно
Касанье милых рук,
И соль слезинок на листе,
И поцелуй след...
Я чувства горестные те
Впитал во цвете лет.
Другой любви не обрести,
Письмо – как знак дано.
В нём слово страшное «Прости!»
На всём листе ОДНО.

ЗОЛОТАЯ СПРАНА

Золотому забору – привет!
Золотому асфальту – ура!
Че последнюю тысячу лет
На Руси так чудят мастера:

По алмазами крышу залют,
По свисток смастерят золотой,
По такой «забубенят» салют,
Что карманы звенят пустотой.

Чо в России всё злато – металл.
Знают пахарь, шахтёр и купец:
Есть для всех уставной капитал –
Это золото русских сердец!

МАМА

Когда о матери рассказ,
Чо всё, что лучше есть в нас,
Само из сердца выплыает,
Всё суетное отмывает.
И образ матери родной
Живой встает передо мной.
Он словно в воздухе парит,
Внимает, но не говорит!..

После спирта с белым муссом
Столько бед намело!
Человек лежит, как мусор,
На проспекте Ленина.

Не вздохнёт, не шелохнётся,
Чтоб поспорить с выюжностью...
Чичего-то не добьется
Он своей ненужностью.

Он, конечно, не был трусом,
Выпив кружку спорную...
Путник с ликом Иисуса
Вызвал в полночь «скорую».

Чо больной не понимает,
Что лежит в прострации,
А вдали, как храм, мерцает
Блок реанимации.

Реки молний,
Мекущие полменовения
И впадающие
В небеса –
Че рождают там
Наводнения,
А высекают из них
Голоса.

В громовом
космическом пении
Мир случайностей
Сразу исчез...
О великом небесном
Перспективе
Говорят потрясенья
Небес.

ИЛЬМЕНЬ-ОЗЕРА

Принесли в последний раз,
Он ловил ускользающий свет.
И, не веря в закатный час,
Повалился в измятый снег...

Он не знал, что уже убит,
Что крестом лежит на снегу
И Садко над войной гремит,
Заглушая неистовый гул:

МАША

Она расстреливать любила.
И, по-мужски входя в экстаз,
Навсикидку из нагана била
И попадала между глаз.

И оседали с каждой пулей
Кроваво-рваные снега,
И перепуганной косулей
Дрожала ближняя тайга.

Наган дышался, остывая,
Как вся горячка страшных лет...
И Маша – хрупкая, живая –
Потом бранила этот свет.

И горько плакала: «О, Боже!
Зачем наш век к нам так жесток?»
И, словно годы подытожив,
К стволу подставила висок...

В ТЕМНОТЕ

Солнце умерло как-то нежданно.
Даже в колокол дык не звонил.
Ча деревню перстом окаянным
Темнота навалилась
Из всех своих
Сил.

Давит долго.
Упорно.
С надсадом.
Скоро душу и мысли сомнёт...
И я мучаюсь: «Что же ей надо?
И когда уберут этот гнёт?»

А деревья всё тише, всё ниже.
Беспростенность – сильней и вольней...
Хоть лица темноты я не вижу,
Всё равно не поддамся я ей!

ОПТИМИСТ

Чабело метель перечеркнула
Тропы, деревенки, города...
Тишина певуча после гула,
А Земля – замёрзшая звезда.

По звёзде бегут куда-то дети.
Новые выводят письмена.
И светло глядят на игры эти
Представитель Космоса – луна.

Чу, а дети пишут и рисуют.
Жизнь для них – бескрайний белый лист....
И не скрыть тут истину простую,
Что ребёнок – Вечный Оптимист!

ИСКУЩЕНИЕ

Бессстрашный к штыкам оголтелым,
Унёсшим Траджансскую прочь,
Спасти Человечество в целом
Хотел он на Троицу, в ночь.

А ветер то рвал, то крутился.
Текла под ногами трава.
По кладбищу широк мышился
И низко летала сова.

Лунища светила так яро,
Так жутко смотрела в глаза!
Чо только в душе комиссара
Своя бушевала гроза...

И он, изрекавший: «Чет Бога!
А демон... пустой идеал!» –
Пред этой последней дорогой
Со знаменем красным стоял.

Мигнув комсомольской ватаге,
Он понял присутствие сил –
ДВЕНАДЦАТЬ! И с твёрдостью в шаге
Ча кладбище гордо ступил.

Одежда на нём распахнулась.
Чедолго ей быть налету! –
Дорога пришла и уткнулась
В колени святому Христу...